

П. Н. БЕРКОВ

Введение
в изучение
истории
Русской
литературы
XVIII века

Часть I

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

65-5

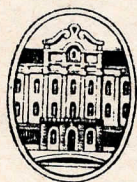
403-12

П. Н. БЕРКОВ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII ВЕКА

ЧАСТЬ I

ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1964

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЛЕХАНОВ. — ЛЕНИН (В преддверии советского периода)

Первые десятилетия истории советского литературоведения представляют сложный и еще недостаточно освещенный процесс усвоения марксистско-ленинской методологии.

В «академической» литературной науке досоветского периода сторонников марксизма было немного, да и те, кто считали себя марксистами (приват-доценты Московского и Петербургского университетов В. М. Фриче, П. С. Коган, начинавший свою деятельность В. Ф. Переверзев и др.), в действительности не были подлинными последователями Маркса — Ленина. Однако именно эти литературоведы в первое пореволюционное десятилетие заняли ведущие места в советской литературной науке, стали выдвигать свои, якобы подлинно марксистские концепции и обвинять друг друга и иных ученых в отступлении от марксизма. Результатом этого были длительные устные и журнальные дискуссии по вопросам методологии истории литературы, заполнившие почти все 20-е годы. Одновременно шла борьба и с представителями буржуазных литературоведческих направлений.

Решения, принятые партией по вопросам литературной политики в 20-е годы, оказали определяющее влияние на развитие советской литературной науки, на освобождение ее от различных ошибочных псевдомарксистских методологических шатаний. Положительное значение имела критическая и преподавательская деятельность А. В. Луначарского. Несмотря на некоторые философские заблуждения, допущенные в дооктябрьский период, в советское время он сыграл значительную роль в борьбе за ленинизм в литературной науке.¹ Большой вклад в этом отношении внес и М. Горький, много выступавший по вопросам литературы.

В области изучения истории русской литературы XVIII в. молодым советским литературоведам, стремившимся по-марксистски

¹ См. редакционную статью «Об отношении к литературному наследию А. В. Луначарского» в журнале «Коммунист», 1962, № 10, стр. 32—40.

стски понять изучаемый материал, было особенно трудно. Научное наследие, с которым им пришлось иметь дело, состояло почти исключительно из работ дворянско-буржуазных и мелкобуржуазных дореволюционных ученых. Взгляды Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова на историю литературы XVIII в. не изучались в должной мере. Естественно, что литературоведы 20-х годов, стремясь овладеть марксизмом прежде всего обратились к наследию Плеханова, видного марксиста, специально занимавшегося изучением литературы XVIII в. Плехановская концепция русского исторического процесса и плехановское понимание истории русской литературы XVIII в. представлялись тогда единственно правильным научным путем. Поэтому без подробного рассмотрения роли Плеханова в истории изучения русской литературы XVIII в. наш историографический обзор будет неполон, неясен.

Г. В. Плеханов (1856—1918),² один из первых последователей марксизма в России, выдающийся пропагандист марксистской теории, в многочисленных работах по философии, эстетике и истории общественной мысли, в литературно-критических статьях неоднократно останавливался на общетеоретических вопросах истории искусства и литературы. Многие его суждения имеют отношение к изучению русской литературы XVIII в. Есть у него труд, в значительной части специально посвященный данному периоду, — «История русской общественной мысли», построенная почти целиком на материалах художественной литературы и литературной критики. В этом обширном незаконченном труде Плеханов впервые после Белинского, Герцена и Добролюбова рассматривал литературу XVIII в. в ее органической связи с историей русского общества и общественной борьбы. Больше того, это была первая попытка рассмотреть историю русской общественной мысли с позиций марксизма.

Однако правильно понять и объективно оценить значение этой работы Плеханова можно, только восприняв ее на фоне всей его научно-общественной деятельности.

Начав революционный путь в середине 70-х годов XIX в. как народник, Плеханов после переезда в 1880 г. за границу стал усиленно изучать произведения Маркса и Энгельса, порвал с народничеством и возглавил первую в русском революционном движении марксистскую группу «Освобождение труда». В 1914 г. В. И. Ленин писал о Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народни-

---

² Наиболее полная и доведенная почти до наших дней библиография изданий Плеханова и литературы о нем находится в кн.: История русской литературы конца XIX — начала XX веков. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1963, стр. 339—347; ср. также: Б. А. Чагин. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963.

ков».³ Важнейшими работами Плеханова, имеющими непосредственное значение для литературной историографии, в частности — XVIII в., являются «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «За 20 лет», «Основные вопросы марксизма». Перечисляя эти и некоторые другие произведения Плеханова, Ленин в библиографии к статье «Карл Маркс» (1914) писал: «По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова...»⁴ Уже в советское время, давая общую характеристику вклада Плеханова в развитие марксистской философии, Ленин отмечал: «... *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».⁵

Утверждая, что Плеханов «самый знающий по философии марксизма социалист»,⁶ Ленин в то же время указывал коренной недостаток его революционной деятельности — разрыв между теорией и практикой, закономерным следствием чего явился политический оппортунизм. «Теоретические работы последнего <Плеханова> — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая „фракционность“ не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь „физической силой ума“, до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким».⁷

Приведенные ленинские оценки дают возможность правильно понять и использовать положительные стороны философского наследия Плеханова; в то же время, объясняя причины ошибочности некоторых его воззрений, они предостерегают от некритического отношения к его наследию в целом.

Основные заслуги Плеханова как теоретика заключаются прежде всего в строго научном обосновании материалистического, «монистического» взгляда на историю. Критика теорий многофакторности исторического процесса, борьба с идеализмом и вульгарным материализмом, с буржуазной эстетикой «искусства для искусства», установление происхождения и социальной функции искусства, борьба за содержательное, идейное искусство, за его общественную роль составляют несомненный вклад Плеханова в развитие марксистской философии.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 222.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 88.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 119.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 226—227.

Большое значение для советского литературоведения, помимо всего перечисленного, имела борьба Плеханова против буржуазных искажений истории русской критики и общественной мысли, за правильное понимание деятельности Белинского, Герцена, Чернышевского, за революционные традиции русской литературы, критики, общественной мысли. Благодаря Плеханову советское литературоведение обратилось к литературно-критическому наследию революционных демократов.

Но у Плеханова были идеи, не вполне точно сформулированные и просто ошибочные. Не до конца разработанное положение о так называемом «социологическом эквиваленте», заключающемся в установлении социальной природы, классового происхождения анализируемого художественного явления, в особенности обход вопроса о соотношении классового и общенационального в искусстве и литературе, привели к неверному пониманию идеи автора и утверждению вульгарного социологизма, принесшего вред советскому искусствоведению и литературоведению. Оппортунистические ошибки Плеханова, как известно, в последние годы его жизни усилились и отразились на литературных произведениях этого периода, в особенности на «Истории русской общественной мысли». Большая роль, которую сыграл этот труд Плеханова в советской литературной историографии XVIII в., делает совершенно необходимым уяснение его положительных и отрицательных сторон.

В 1906 г. вышла из печати «История русской общественной мысли» эсера Р. В. Иванова-Разумника, являющаяся апологией «внеклассовой» и «внесловной» интеллигенции. В годы после поражения революции 1905 г. книга Иванова-Разумника имела в определенных читательских кругах успех и выдержала несколько изданий; последнее из них, пятое, в нескольких выпусках вышло уже в 1917—1920 гг. На появление второго издания этой книги (1908) находившийся в эмиграции Плеханов откликнулся большой статьей «Идеология мещанина нашего времени», помещенной в меньшевистском журнале «Современный мир».⁸ В этой статье Плеханов, помимо критики Иванова-Разумника, высказал также несколько соображений о том, как, по его мнению, должна строиться настоящая история русской общественной мысли.

В несомненной связи с этим эпизодом в мае 1909 г. меньшевистское легальное издательство «Мир» обратилось к Плеханову с предложением написать книгу на эту тему. Плеханов ответил согласием и приступил к работе.⁹ Она очень затянулась, и третий том (без четырех последних глав) был выпущен издательством лишь в 1916 г. В 1919 г. посмертно были изданы главы X—

⁸ «Современный мир», 1908, № 6, стр. 112—139; № 7, стр. 72—129; перепечатана в кн.: Г. В. Плеханов. Соч., т. XIV, стр. 259—344.

⁹ Письма Плеханова и его жены в издательство «Мир» см. в сб.: «Воинствующий материалист», 1924, кн. 1, стр. 165—202.

XII этого тома, а последняя, XIII, с «версией» и «заметками» к главе о Радищеве была напечатана в сборнике «Группа „Освобождение труда“» (вып. 1, 1924, стр. 50—82).¹⁰

Расхождения Плеханова с революционным марксизмом начинаются буквально с первых же строк «Предисловия», где он излагает свое понимание «влияния географической среды на историю русского народа».

Марксистско-ленинская критика неоднократно отмечала, что Плеханов, в теоретическом плане правильно трактуя значение географического фактора в истории (XX, 28), не всегда верно понимал его конкретную роль в истории России, преувеличивая его влияние на судьбы страны. Согласно Плеханову, трудные природные условия жизни русского народа и соседство кочевых племен в конечном счете определили своеобразие развития русской государственности: усиление княжеской, а затем возникновение царской власти, подчинившей себе все классы и прежде всего поработившей класс земледельческий, привели к созданию надклассового «государства». Однако, обосновывая теорию «русского надклассового государства», Плеханов часто вступает в противоречие с самим собой.

Характеризуя структуру России XVII—XVIII вв., Плеханов писал: «Общественно-политический быт Русского государства представлял собою как бы двухъярусное здание, в котором закрепощение обитателей нижнего яруса оправдывалось закрепощением обитателей верхнего: крестьянин и посадский человек были закрепощены для того, чтобы дать дворянину экономическую возможность нести свою крепостную службу государству». «Но,— продолжает Плеханов,— класс, в руках которого сосредоточивается выполнение важнейших общественных функций, не преминет воспользоваться этим, во-первых, для того, чтобы увеличить свою власть над низшим классом, а во-вторых, для того, чтобы облегчить себе исполнение своих общественных обязанностей. Так и поступило русское дворянство. Оно постепенно увеличило свою власть над крестьянством и постепенно раскрепостило самого себя. Ему тем легче было сделать и то и другое, что военная сила государства была в его руках» (XX, 108—109).

Плеханов не замечает ошибки: если военная сила государства была в руках дворянства, если дворянство было классом, в руках которого сосредоточены самые ответственные общественные функции, то, значит, «государство» и было формой дворянской диктатуры, способом навязывания всему остальному населению страны своего господства.

В другом месте Плеханов так характеризует российскую государственность второй половины XVIII в.: «Соотношение обще-

---

¹⁰ «История русской общественной мысли» перепечатана в издании: Г. В. Плеханов. Соч., т. XX—XXII. — Дальнейшие ссылки даются по этому изданию в тексте.

ственных сил в шляхетско-самодержавной России было таково, что „тиранство” помещика над крестьянином шло рядом с „тиранством” верховной власти по отношению к помещику. Процесс раскрепощения дворянства не мог привести у нас к ограничению власти государя господствующим сословием» (XXII, 41).

Употребляя выражения «шляхетско-самодержавная Россия», «господствующее сословие», Плеханов вкладывал в них содержание, не совпадающее с нашим современным пониманием. Абсолютизируя понятия «верховная власть», «государство», «государь», противопоставляя «господствующее сословие» (класс) «государству», Плеханов не видел или не хотел видеть того, что «двухъярусное здание» российской государственности, «тиранство верховной власти по отношению к помещику» — это только формы, в которых проявлялась дворянская диктатура, только «практика» и «тактика» дворянства в классовой борьбе XVIII в.

Помимо указанной, Плеханов допустил еще одну, и очень большую, ошибку: он недооценил народные демократические движения, которые, по его мнению, имели реакционный характер. «Единственное русское сословие, смотревшее не назад, а вперед» (XXII, 130), как он утверждал, было в XVIII в. дворянство.

Анализируя внутривластные отношения в старой России, Плеханов пришел к выводу: «В подобных условиях правительство отсталой страны неизбежно играет более или менее прогрессивную роль, и эта его роль обеспечивает ему на известное время сочувствие передовых умов его страны... Разлад между передовыми умами отсталой страны и ее правительством начинается лишь после того, — и иногда довольно долго после того, — как последнее окончательно отказывается от прогрессивной роли» (XX, 257—258).

Говоря о поддержке правительства «передовыми умами» или об отказе от поддержки, Плеханов не принимал в расчет классовой борьбы в тот или иной момент истории, не учитывал, во-первых, того, что понятие «передовые умы» очень неопределенно и может означать, с одной стороны, наиболее политически дальновидных людей любого класса, не только дворянства, с другой — общественных деятелей, сознательно или бессознательно отражающих настроения эксплуатируемых масс, во-вторых, того, что поддержка правительства и отказ от нее — это формы классовой борьбы, а не просто факты индивидуальной биографии той или иной прогрессивно настроенной личности, наконец, в-третьих, что эта поддержка и отказ могут быть также продиктованы логикой борьбы разных группировок внутри господствующего класса.

Историю русской общественной мысли Плеханов очень сужает. Он пишет: «Со времени петровской реформы на Руси не переводятся искренние приверженцы западного просвещения. В среде этих людей и развивалась русская общественная мысль» (XXI, 40). В то же время он останавливается и на деятельности таких

представителей русской общественной мысли, как Посошков, Щербатов, заподозривать которых в западнических симпатиях ни сам Плеханов, ни кто другой не стал бы. Таким образом, история русской общественной мысли даже в изображении Плеханова оказалась шире той формулы, которую он выдвинул: она развивалась не только в среде «искренних приверженцев западного просвещения», но и в среде консерваторов, развивалась в борьбе между теми и другими, а также в кругах крепостного крестьянства.

Сводя историю русской общественной мысли в XVIII в. к деятельности русской, в основном дворянской, интеллигенции, Плеханов фактически подменяет ее историей разочарования «просветителей» — «ученой дружины», как он называет их вслед за Феофаном Прокоповичем, в абсолютной монархии. Вот как Плеханов формулирует этот важный тезис. Напомнив, что Юрий Крижанич еще в XVII в. видел в самодержавии государственный «Моисеев жезл», он продолжает: «Еще более верили в чудесную силу Моисеева жезла птенцы гнезда Петрова. „Ученая дружина“ служила самодержавию не токмо за страх, но и за совесть. Лица, державшие в своих руках верховную власть после Петра Первого, своими действиями должны были, казалось бы, значительно умерить веру передовых русских людей в прогрессивное значение самодержавия. Но передовые русские люди склонны были рассматривать весьма непохвальные подвиги преемников Петра не как общее правило, а как случайные исключения. Они ожидали, что вот-вот, не сегодня-завтра, исключения отойдут в область тяжелых воспоминаний, и общее правило обнаружит, наконец, свою плодотворную силу. Когда на престол вступила Екатерина II, они было подумали, что Моисеев жезл начнет теперь работать, как не работал даже и при Петре Первом. А когда они увидели, что у жезла два конца и что конец, направленный против слишком усердных просветителей, работает гораздо увереннее и энергичнее, нежели конец, обращенный против слишком тупых защитников старины, то в их душах возникли сомнения, остававшиеся чуждыми передовым людям петровской эпохи: „ученая дружина“ второй половины XVIII столетия,— я хочу сказать: наиболее передовая часть тогдашней интеллигенции,— начала мало-помалу утрачивать веру в самодержавие» (XXIII, 73).

Возражая в свое время Иванову-Разумнику, Плеханов утверждал, что интеллигенция — не надклассовая, самостоятельная группа общества, а мыслящая «идеологическая» часть каждого класса. Из приведенных выше цитат следует, что, по мнению Плеханова, интеллигенция может приходиться в конфликт со своим классом. «В политическом отношении дворянство,— пишет он в другом месте,— во второй половине XVIII века сделалось более консервативным, нежели было оно во время вступления на престол Анны Ивановны» (XXII, 201). Таким образом, дворянство с начала 30-х годов XVIII в. (со времени Анны Ивановны) де-

ляется все более консервативным, а его идеологи все более прогрессивными, выступая в лице Радищева даже как «последователи французских революционеров» (XXII, 355).

Чем вызывается такой разрыв между классом и его идеологами? Плеханов утверждает, что, хотя «экономический строй тогдашней России делал невозможным возникновение в ней сколько-нибудь серьезного движения в духе освободительных идей XVIII столетия», однако «передовые французские учения, попадая в Россию, все-таки шевелили русские умы» (XXII, 232). И не только эпизодически «шевелили», но, как настаивает Плеханов в другом месте, играли значительно более серьезную роль: «В XVIII столетии те русские люди, которым пришлось (не по недоразумению) пострадать за свои передовые политические взгляды, воспитались на освободительной французской философии... Эта идеология третьего сословия оказалась весьма пригодным духовным орудием даже в процессе раскрепощения нашего служилого класса... Ей обязана русская литература века Екатерины решительно всем, что проникло в нее человеческого, возвышенного, благородного...» (XXII, 54).

Таким образом, причиной расхождения между «ученой дружиной» второй половины XVIII в. и классом, идеологом которого она являлась, было внешнее влияние, французская просветительская философия, пришедшая к нам в виде моды, утверждает Плеханов вслед за буржуазно-дворянскими историками литературы. «Те русские люди,— пишет он,— которые усвоили себе стремление передовых просветителей XVIII в., видели противоречие, существовавшее между теорией Екатерины и ее практикой, и раздражались им. Но таких было крайне мало. Огромное большинство не замечало противоречия, а если и замечало, то не видело нужды в его устранении. Оно было довольно» (XXII, 36).

Излагая движение общественной мысли в России, Плеханов еще дальше отходит от материалистического объяснения явлений социального порядка: преувеличивая роль внешних влияний, он совершенно игнорирует реальную социальную обстановку, различные формы классовой борьбы. Положение крепостного крестьянства, его неоднократные восстания, почти не прекращавшиеся поджоги помещичьих усадеб и убийства их владельцев, судебные процессы против крепостных и жестоких помещиков он освещает мельком. Достаточно указать, что «Пугачевскому бунту» Плеханов уделяет небольшую главку и больше к этой теме не возвращается. Связи между положением крепостных, пугачевским движением и другими проявлениями основных классовых противоречий дворянско-помещичьей монархии XVIII в. и формированием идеологии писателей XVIII в. Плеханов не видит. Его больше интересуют процессы непосредственно идеологические. Не случайно вслед за главой «Взаимная борьба общественных сил в эпоху Екатерины II» (XXI, 245—296), в которой говорится о Пугачеве, Плеханов помещает почти вдвое большую по объему

главу «Западная общественная мысль в XVIII в. и ее влияние на Россию» (XXII, 5—93).

В результате Плеханов, автор блестящего труда «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в котором показана несостоятельность тезиса французских просветителей, будто «мнение (идея) управляет миром», в «Истории русской общественной мысли» приходит к тому же выводу: идеи французских философов, а не реальные условия классовой борьбы в России были двигателями русской общественной мысли.

Несмотря на ошибочность основной концепции Плеханова, отдельные частные его наблюдения, замечания, выводы, характеристики справедливы и благодаря этому вошли в дальнейшем в литературную историографию XVIII в. Так, например, нам представляется правильной плехановская трактовка либерализма Екатерины II как лжелиберализма, а также оценка роли Паниных и их группы в общественной борьбе екатерининской поры. Достаточно аргументирована глава о реакционности масонства. Плеханову принадлежит интересная трактовка журнальной деятельности Ф. Кречетова. Он первым по существу стал рассматривать Сумарокова не как «дитя чужих уроков» (Пушкин), а как идеолога просвещенного «шляхетства».

Плеханов подверг пересмотру концепцию Белинского об «идеальном» («одическом») и «критическом» («сатирическом») направлениях в русской литературе и реабилитировал первое, разъяснив его социально-воспитательную роль. Приведя отрывок из сумароковской «Оды на день тезоименитства цесаревича Павла Петровича 29 июня 1779 года», Плеханов писал: «Не знаю, какое действие оказывали подобные наставления на тех весьма высокопоставленных читателей, для которых они предназначались. Полагаю, ровнехонько никакого. Но что они должны были способствовать прояснению общественно-политических понятий *обыкновенных* смертных (хотя бы и шляхетского происхождения), это очевидно. Сколько-нибудь просвещенных читателей того времени напыщенно-льстивый язык одописцев... вряд ли вводил в заблуждение, они понимали, что это — пустая формальность. Во второй половине XVIII века сатирическая литература стала едко насмехаться над льстивым языком одописцев. Иное дело — благие советы, преподносившиеся властителям теми же одописцами. В этих советах выражались политические взгляды передовых русских людей того времени. И над ними, наверно, никто не смеялся. Напротив, давая их, одописцы выступали, подобно сатирикам, просветителями читающей публики» (XXI, 234).

В процессе формирования советского литературоведения теоретические воззрения Плеханова сыграли значительную роль — и положительную, и отрицательную. Во время ожесточенных дискуссий по проблемам марксистской литературной науки с середины 20-х годов стали появляться книги и статьи о Плеха-

нове как методологе литературы и литературном критике. Вскоре лишь обращение к наследию Плеханова частью литературоведов стало рассматриваться как проявление подлинного марксизма. В статье И. В. Егорова «За метод Плеханова»¹¹ и в книге С. Щукина «Две критики. Плеханов — Переверзев» (М., 1930) прозвучал призыв «Назад к Плеханову!». Получил довольно широкое распространение лозунг «За плехановскую ортодоксию!».

Пропагандисты этого лозунга понимали под «плехановской ортодоксией» строгое следование теоретическим принципам Плеханова во всем их объеме, независимо от времени их возникновения, без учета суждений Ленина о нем и его ошибках.

В связи с этим в марксистской литературоведческой прессе стали появляться статьи, критиковавшие лозунг «За плехановскую ортодоксию!» и все настойчивее призывавшие к изучению Ленина и его взглядов на литературный процесс.¹² Эти дискуссии завершились появлением в 1932 г. статьи А. В. Луначарского «Ленин и литературоведение» в т. 6 «Литературной энциклопедии» (стб. 194—262), вышедшей в 1934 г. отдельным расширенным изданием. В этой работе впервые взгляды Ленина на литературу и культуру были приведены в стройную систему, показана их глубокая, органическая связь с его философскими воззрениями и революционной деятельностью. Луначарский раскрыл значение теории отражения в общей системе взглядов Ленина на теорию познания, на искусство и литературу и дал первую серьезную интерпретацию важнейшей для литературоведения статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905).

Обращение к произведениям Ленина, учет его конкретных суждений об истории России XVIII в. и о характере русской государственности в этот период, его замечаний о Петре I, Радищеве и т. д. и, главное, усвоение ленинского метода при анализе явлений русской культуры и литературы XVIII в. позволило советскому литературоведению освободиться от метафизического, вульгарно-социологического подхода к фактам исторического прошлого, преодолеть ошибочные трактовки литературного материала.

Хотя ленинская методология достаточно прочно усвоена советским литературоведением, изучающим историю литературы XVIII в., до сих пор, однако, нет ни одной специальной работы, в которой рассматривалось бы значение идей Ленина в развитии этой области нашей литературной науки. На высказываниях

¹¹ «Записки Научного общества марксистов», 1928, № 11, стр. 127—141.

¹² И. И. Анисимов. За ленинскую критику взглядов Плеханова (в связи с книгой С. Щукина «Две критики. Плеханов — Переверзев»). — «На литературном посту», 1931, № 34, стр. 27—36; Ф. Ф. Канаев. За ленинскую критику взглядов Плеханова на творчество Горького. — «Вестник Коммунистической академии», 1931, № 7, стр. 34—36; «РАПП», 1931, № 3, стр. 24—41; Н. Глаголев. За ленинскую критику взглядов Плеханова на Белинского. — «Марксистско-ленинское искусствознание», 1932, № 2, стр. 3—33.

Ленина по истории России XVIII в. впервые остановился Г. А. Гуковский в статье «Проблемы изучения русской литературы XVIII века». ¹³ В ленинской характеристике русского государственного строя за последние три века Гуковский выделил два момента: во-первых, что этот строй «изменял свой классовый характер», во-вторых, что изменение происходило «в одном определенном направлении... которое можно назвать направлением к буржуазной монархии». ¹⁴ Говоря о политическом строе России XVIII в., Ленин в одной статье определил его как «чиновничьи-дворянскую монархию», ¹⁵ в другой — как «самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма“...». ¹⁶

Останавливается Гуковский и на суждениях Ленина, Маркса, Энгельса о Петре I. Отметив значение этой оценки для понимания «драматизма борьбы за образ Петра между Ломоносовым, Фонвизиным, Радищевым, с одной стороны, и, напр., Екатериной II — с другой», Гуковский приходит к выводу: «Эти указания <классиков марксизма-ленинизма>, дающие совершенно единое толкование роли Петра и его деятельности, должны обосновать наше понимание как литературы времени Петра, так и литературы послепетровской, так и самой темы Петра в русской литературе». «Так же обстоит дело, — заключает Гуковский, — и с другими проблемами; обращаясь к классикам марксизма, мы черпаем у источника понимание глубоких основ историко-литературного процесса XVIII века». ¹⁷

При несомненной справедливости приведенных соображений Гуковского вопрос о значении идей Ленина для изучения истории русской литературы XVIII в. гораздо глубже и шире. ¹⁸ Он настолько важен и обширен, что должен быть предметом самостоятельного исследования. В настоящей работе ограничимся рассмотрением лишь основных проблем, специально относящихся к узловым моментам изучения русской литературы XVIII в., предполагая в качестве предпосылки знакомство читателей с главными трудами об общем вкладе Ленина в развитие советского литературоведения. ¹⁹

¹³ XVIII век. Сб. 2. М.—Л., 1940, стр. 8—9.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

¹⁷ XVIII век. Сб. 2, стр. 9.

¹⁸ Этой же проблеме посвящена статья д-ра Ульфа Лемана (Берлин) «Einige Hinweise Lenins zum Studium der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts». — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität Leipzig», 10. Jhg., 1961, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, N. 2, S. 171—173.

¹⁹ О вкладе Ленина в советское литературоведение, кроме упомянутой выше работы Луначарского «Ленин и литературоведение» (1932—1934), см. также материалы, перечисленные в книгах под редакцией К. Д. Муратовой: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М.—Л., 1962, стр. 12—13; История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель. М.—Л., 1963, стр. 9—11.

Для правильного понимания сущности и своеобразия литературного процесса XVIII в. необходимо отдать себе ясный отчет в том, что представляло собой самодержавное государство XVIII в. Плеханов считал, что государство, государственная власть в России, в том числе и в XVIII в., были явлением надклассовым. Ленин, как Маркс и Энгельс, видел в государстве явление историческое, не «вечное», а возникающее на определенном этапе развития общества. «По этому вопросу, — говорил он в лекции „О государстве“, — прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было». «... Не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилью. Такой аппарат и называется государством».²⁰ «Оно <государство>, — указывает Ленин, — появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые».²¹

Еще раньше, в книге «Государство и революция» (1917), Ленин писал: «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены».²² Таким образом. «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим».²³ В другом месте Ленин уточняет определение: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы».²⁴

В этих определениях Ленин настойчиво проводит идею о классовом, а не «надклассовом» характере государства в обществе, разделенном на классы, о том, что оно является машиной, аппаратом насилия одного класса над другим или другими.

От определения сущности государства Ленин далее переходит к вопросу о форме государства, форме правления: «Форма этой машины бывает различна... В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же...»²⁵ В лекции «О государстве» Ленин по характеру избранной темы должен был оставаться в пределах общесоциологических, а не специально русских политических категорий. Десятилетием раньше в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» Ленин писал: «Беда с.р. в том, что они не знают ни исторического материализма, ни диалектиче-

20 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 68.

21 Там же.

22 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

23 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

24 Там же, стр. 75.

25 Там же.

ского метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей. Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно „законности”, „правовому порядку”, „общему благу” либеральных профессоров и т. д. и т. п. На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке».²⁶

Далее следует иллюстрация этого положения, частично цитированная выше. Мы приведем здесь ее в полном виде, так как только из контекста становится ясно, что во всех перечисляемых внешних «формах» государственной власти, сменившихся в России за три с лишним века, Ленин видит их внутреннее «содержание», то, что это — формы классовой борьбы. «Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма” и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху” освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя».²⁷

Таким образом, из этих положений Ленина и конкретных иллюстраций к ним следует, что и реформы Петра, и наступившая после его смерти реакция, и «либерализм» Екатерины II, каковы бы ни были их субъективные причины, являлись формами классовой борьбы в тогдашнем русском обществе. Ленинская концепция развития государственных форм правления в России учит нас при анализе литературного процесса XVIII в., так прямо и непосредственно связанного с политической жизнью страны, видеть проявления классовой борьбы не только в крестьянских восстаниях петровского и елизаветинского времени, не только в крестьянской войне под руководством Пугачева, но и в «просвещенном абсолютизме», в «Наказе» и созыве екатерининской Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и в жалованной грамоте российскому дворянству и т. д.

Положение Ленина о том, что каждая из форм классовой борьбы проходит различные этапы развития, при изучении истории литературы XVIII в. помогает понять прогрессивные моменты «просвещенного абсолютизма» Петра I и реакционную

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 345—346.

²⁷ Там же, стр. 346.

направленность того же «просвещенного либерализма» Екатерины II, а также другие аналогичные исторические явления XVIII в.

Очень важно положение Ленина о том, что переход от одной формы классовой борьбы к другой «несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке». Эта мысль Ленина дает правильный критерий для оценки таких явлений русской истории XVIII в., как дворцовые перевороты, фаворитизм и пр. Значение внутриклассовой борьбы не следует переоценивать. Политические перевороты в крепостническом обществе, подчеркнул Ленин, «были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».²⁸ В свете данного указания Ленина получает законное место в истории литературы отражение борьбы за власть между «шляхетством» и «верховниками» (сатиры Кантемира, вирши Феофана Прокоповича и др.), между сторонниками Елизаветы и ее противниками, между «дворянской фрондой» братьев Паниных и Екатериной II.

Когда же дело касалось не передачи власти из рук одной группы дворянских заговорщиков в руки другой, а социально-экономических изменений или попыток реализовать их, например, в форме движения Пугачева, дворянство, за немногими исключениями, выступало как единый господствующий класс.

Приведенные выше характеристики российской государственности как специфически русской формы классовой борьбы могут быть правильно поняты лишь в диалектической связи со взглядами Ленина на формы отношений угнетаемых народных масс к своим угнетателям в классовом обществе. В лекции «О государстве» Ленин писал: «Вся история полна непрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства... Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России».²⁹

В статье «О национальной гордости великороссов» (1914) Ленин развивает эту мысль: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергаются нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула: Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х го-

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 443.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 76—77.

дов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».³⁰

В этой многократно цитировавшейся мысли Ленина очень важно выделить два момента:

а) насилия господствующего класса вызывают не только восстания угнетенных масс, но и идейный отпор, идеологическую деятельность, направленную против насильников и в интересах угнетенных;

б) эта идеологическая деятельность представляет результат революционного осмысления положения эксплуатируемых масс сначала лицами, не принадлежащими к этим массам и являющимися выходцами из господствующего класса (Радищев, декабристы), а затем людьми из более демократических слоев общества (революционеры-разночинцы 70-х годов) и, наконец, самими эксплуатируемыми массами.

Выделяя курсивом слово *эта*, Ленин подчеркивал мысль о том, что не иностранные влияния (французская просветительская философия, идеи французской революции), а русская действительность, насилия господствующих классов вызывали отпор из среды эксплуатируемой массы, порождали русскую революционную идеологию. Иными словами, деятельность и Радищева и декабристов является отражением и выражением отпора эксплуатируемых масс крепостного периода, так же как и «настроение Белинского в письме к Гоголю» «зависело от настроения крепостных крестьян», а «история нашей публицистики» «зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета».³¹

Ленинская концепция возникновения и развития революционных идей в России дает нам в руки надежное средство для анализа прогрессивных явлений русской литературы XVIII в.

Среди прочих важных вопросов, рассмотренных Лениным и имеющих прямое отношение к истории литературы XVIII в., следует остановиться на двух — «европеизации» России и посмертной «канонизации» великих революционеров господствующими классами.

«Европеизацию» России очень часто даже в советской науке, не говоря уже о западной, рассматривают вне условий классовой борьбы XVIII—XIX вв. Ленин показывает, что слово «европеизация» применяется в русской буржуазной публицистике без конкретного, исторического наполнения, без учета того, что «европеизация» — это перестройка России «по образу и подобию» капиталистической Европы,³² это эксплуатация народных

30 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

31 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

32 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 371.

масс более утонченными, «приличными», «европейскими» способами. «Словечко „европеизация”, — пишет Ленин, — оказывается таким общим, что оно служит для запутывания дела, для затемнения насущных вопросов политики».³³

Ленинское решение этой проблемы представляет для нас интерес не только общетеоретический, методологический, но и конкретно-исторический, так как «европеизация» русской литературы в XVIII в. тоже рассматривается обычно без учета того, что и она являлась одной из форм классовой борьбы. Положение Ленина помогает понять, с одной стороны, враждебное отношение народных масс к петровским мероприятиям по «европеизации» и, с другой, стремление передовых людей России для облегчения участи народных масс извлечь из этого все положительное, что только можно было.

Аналогичное явление, одну из форм классовой борьбы представляет собой и своекорыстное «присвоение» угнетающими классами великих деятелей прошлого, «гримировка» их в интересах господствующего класса. Книгу «Государство и революция» Ленин начал с констатации того, что «с учением Маркса происходит теперь <написано в 1917 г.> то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение». «Угнетающие классы, — продолжает Ленин, — при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для „утешения” угнетенных классов и для одурачения их, выходящая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его».³⁴

То, что Ленин говорил в данном случае о великих революционерах, можно, думается, с соответствующими оговорками отнести и к другим фактам идеологической борьбы. Например, различные толкования образа Петра, творчества Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Радищева в русской литературе и науке XVIII—XX вв. вызваны не «простым» различием индивидуальных точек зрения. В них отразились социальные и политические интересы разных общественных групп.

Значение идей Ленина для изучения литературы XVIII в. не исчерпывается рассмотренными аспектами. Можно не сомневаться, что многие другие проблемы, которые возникают и будут возникать в процессе исследования, получают правильное решение только на основе марксистско-ленинского диалектико-материалистического метода.

³³ Там же.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 5.

Оглядываясь назад на путь, пройденный советской литературной наукой, мы можем с полной уверенностью утверждать, что своими достижениями она целиком обязана идеям и методу Ленина. Они помогли советским литературоведам понять сущность различных немарксистских теорий, имевших распространение в 20—30-е годы, преодолеть свои заблуждения, в том числе одно из серьезнейших — «плекхановскую ортодоксию», прямой или косвенный источник многих вульгарно-социологических ошибок, встречавшихся в работах по истории литературы XVIII в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение. Литературная историография и принципы ее изучения	10
Глава первая. XVIII век	17
Глава вторая. Первая треть XIX в. — Пушкин	31
Глава третья. 30-е и 40-е годы XIX в. — Белинский. — «Библиографическое» и «академическое» направления в изучении литературы XVIII в.	51
Глава четвертая. Герцен, Чернышевский и Добролюбов	84
Глава пятая. «Академическое» направление в изучении литературы XVIII в. (вторая половина XIX в.)	127
Глава шестая. Либерально-буржуазное и буржуазно-демократическое направления в изучении литературы XVIII в. (конец XIX и начало XX в.)	143
Глава седьмая. Плеханов. — Ленин (в преддверии советского периода)	161
Глава восьмая. Изучение литературы XVIII в. в советский период. — С 1917 г. до постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.	178
Глава девятая. Изучение литературы XVIII в. после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»	193
Глава десятая. Изучение литературы XVIII в. до XX съезда КПСС	218
а) 1941—1945 гг.	219
б) С 1945 г. до XX съезда КПСС	221
Глава одиннадцатая. Изучение литературы XVIII в. после XX съезда КПСС	231
Заключение. Место литературной историографии в общей системе литературной науки	251
Указатель имен	254

5р-85148

ОЭ 1965 г.
 Акт № 189